

НЕМЕЦКИЕ ВОЕННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ЕВРОПЕ КАК МЕСТА ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ*

Н. Янц

Могилы и кладбища павших солдат претерпели в ходе последних десятилетий существенное изменение ценностей и смыслов. Если во время Второй мировой войны военные захоронения планировались и возводились вермахтом под руководством национал-социалистов как «священные прибежища немецкого героизма», то после капитуляции Третьего рейха они стали воплощением послания о мире. Сегодня военные захоронения и солдатские кладбища символизируют место траура и страдания. В этих пространствах реализуются обучающие проекты, экскурсии, мемориальные мероприятия для молодежи и школьников всех стран Европы.

Ключевые слова: военные захоронения, солдаты, Вторая мировая война, вермахт, память, места памяти, национал-социализм, Федеративная Республика Германия.

Какую память оставили о себе шесть долгих лет самой ужасной и трагической войны в Европе? За 70 лет, прошедшие после ее окончания, полностью восстановлены города, исчезли поля сражений — природа вернула над ними свою власть. И лишь могилы напоминают о Второй мировой войне в Центральной Европе. Лишь они остаются безмолвными свидетелями миллионов смертей военных и гражданских лиц.

Данная статья представляет собой попытку кроссэпохального анализа смены символики таких публичных мест как военные кладбища и солдатские могилы в период перехода от национал-социалистической диктатуры и ее смыслов к совершенно новому типу политического режима в послевоенной Западной Германии. Исследование демонстрирует степень зависимости значений и символики смерти солдата от господствующих политических конструкций и коллективного консенсуса памяти в обществе. Заключительная часть материала посвящена изучению специфической роли военных захоронений в развитии международных отношений и формировании общеевропейской идентичности.

* * *

Значение военных захоронений или солдатских могил обуславливается особенностями смерти на войне как таковой: она существенно отличается от естественной кончины гражданского лица, покидающего этот мир вследствие старости или болезни. Смерти на войне общество всегда приписывало иной знаковый смысл [22]. Большая часть солдат погибала в ходе вооруженных столкновений, то есть непосредственно на поле боя, и лишь незначительная часть (от 6 до 7%) умирали от ран в лазаретах [22, S. 162]. Что же привело к тому, что в определенный момент истории каждому солдату стали предписывать отдельное захоронение? Широко известны грандиозные мемориалы в честь масштабных битв или великих полководцев Средневековья и раннего Нового времени, но отдельный солдат в тот период не удостоивался подобной чести. Формы памяти о военных сражениях изменились в сторону оказания почестей отдельным солдатам под влиянием

лозунгов демократизации и равноправия, сформулированных Великой французской революцией [13; 20; 27]. Именно по окончании антинаполеоновских войн мемориальные доски начали фиксировать имена простых солдат вне зависимости от ранга и сословия [20, S. 12], произошла индивидуализация памяти [18].

В то же время, если имена солдат в Европе «удостоились запечатления» [13, S. 29], их тела и могилы не привлекали к себе почти никакого внимания. Еще в ходе Франко-прусской войны 1870/71 гг. павшие из гигиенических соображений были захоронены в массовых могилах [28, S. 249], в то время как в США уже во время Гражданской войны (1861—1965) для павших были заложены особые военные кладбища [33].

В целом, на пике развития национальных идей — к рубежу XIX—XX вв. — изменилось и популярное толкование гибели на войне. Солдат как гражданин государства, представитель национальной общности или как подданный государя должен был сражаться «за» что-то. В условиях, когда военная служба превратилась во всеобщую обязанность [8], смерть на поле брани стала рассматриваться как жертва на алтарь нации. Возведение индивидуальных могил и уход за ними должны были продемонстрировать, что смерть на фронте не будет приравнена к анонимной массовой гибели. В облике отдельных захоронений солдатской смерти придавался смысл, создавалось место памяти.

В условиях огромных людских потерь Первой мировой войны были созданы четко структурированные военные захоронения. Нормативные основы этой тенденции были закреплены в том числе в ходе развития гуманитарного права на случай войны: Гагские и Женевские конвенции предписывали необходимость регистрации раненых и убитых [32]. Кроме того, вторая Гагская конвенция 1907 г. требовала в случае начала военных действий создания справочного бюро, первоначально, правда, лишь для учета военнопленных [16]. Во имя соблюдения данных норм в ходе Первой мировой войны в государствах-участниках впервые институционализировались комиссии и ведомства, занимавшиеся вопросами захоронений [24]. Опыт Великой войны 1914—1918 гг. по обращению с

* Перевод с немецкого О. С. Нагорной.

павшими на полях сражений был использован в преддверии и ходе нового глобального конфликта. Женевская конвенция 1929 г. регулировала детали идентификации убитых и раненых, обращения с телами погибших [1]. Воюющие стороны принуждались регистрировать найденных на полях сражений убитых и раненых, опекать их, а в случае необходимости — захоранивать, для чего следовало учредить особую погребальную службу. После окончания военных действий предполагался обмен списками могил и кладбищ.

Военные могилы и кладбища как места памяти

Захоронение выполняет две важных функции — это место приватной скорби и объект публичной памяти. На этом основании военные могилы могут быть обозначены как место памяти в духе определений Алейды Ассманн [3]. Особой задачей мест памяти является включение определенной трактовки прошлого в настоящее, его привязка к определенному месту. Специфика подобного места заключается, с одной стороны, в его привязанности к локусу, в отсутствии мобильности: в целях его познания человек должен отправиться в поездку или предпринять целое путешествие. С другой стороны, место памяти нельзя уничтожить как материальный объект, ибо оно существует не только в реальном мире, но и в дискурсивном измерении [4]. Превращение обычного локуса в место памяти происходит лишь на основании активного воспоминания и приписывания ему особого значения. Без осмысления и его символической силы место остается лишь точкой на карте [5]. События, например, война или битва, должны быть целенаправленно зафиксированы, их следы подлежат запечатлению, а места, где они произошли, должны маркироваться как таковые [5, S. 327].

Могилы сочетают в себе функции памятников и останков: в первых отражается императив памяти (параметры коллективного воспоминания травмы, консервации и меморизации конкретного послания) [3, S. 221], вторые запечатлевают следы событий и требуют определенной локализации. Привязывая мемориальные практики к конкретному месту, кладбища «посвящаются» мертвым [5, S. 325], их присутствие здесь абсолютно.

Каким образом мы можем перенести данные теоретические размышления на специфику военных захоронений? На фоне «нормальных» гражданских захоронений могилы погибших на войне уже являются неординарным феноменом: они расцениваются как последние следы войны и становятся материальным выражением ее итогов в виде числа погибших. Если представить в воображении потенциальные масштабы индивидуальных захоронений Второй мировой войны — 55 миллионов могильных плит, Европа бы превратилась в одно сплошное кладбище.

Аутентичность солдатских захоронений и военных могил

Аутентичность и происхождение военных могил не так просто определить. На основании христианских ценностей мертвые захораниваются

в земле, гигиенические соображения не позволяют их оставлять лежащими под открытым небом или просто выбрасывать их в водоемы. То есть сами кладбища возникают из необходимости предоставить умершим место.

К этому добавляется культурный аспект необходимости выделения мертвым места в наших индивидуальных воспоминаниях, а также в коллективной памяти. Место захоронения становится местом памяти, в зависимости от своего значения умерший превращается в объект памяти по религиозным, политическим, идеологическим и персональным основаниям.

Могила может быть аутентичным местом, но в зависимости от ситуации это место может быть приспособлено к господствующим формам памяти. Захоронение может быть разрушено, например, если речь идет о могиле убийцы, и напротив, над ней будут возведены особые конструкции и организован особый уход, если мы имеем дело с местом упокоения королей или других важных личностей.

Место захоронения солдата может быть аутентичным, к примеру, если оно было сооружено в ходе сражений на обочине дорог или в воронках. В этом случае оно может много рассказать и о самом умершем, и об обстоятельствах его гибели (было ли тело захоронено тщательно либо наскоро присыпано землей, находятся ли при умершем принадлежащие ему вещи, какие ранения позволяют установить анализ его останков, отчего он умер, что было начертано на его могильном кресте, и т. д.). Однако, современные солдатские кладбища были созданы по окончании военных действий и с конкретной целью: павшие должны были покоиться на одном пространстве, подобная концентрация упрощала уход за могилами, могла привлечь паломников. Размещение кладбища и его оформление зависят от национальной практики обращения с погибшими на войне, с памятью о них. То есть современные солдатские кладбища являются иллюстрацией существующих национальных культур павших и практик воспоминаний, они не могут расцениваться как аутентичные (изначальные) места солдатской смерти.

Солдатские кладбища как места героизма в Третьем рейхе

С самого начала войны, сразу же после нападения на Польшу, вермахтом была создана масштабная система учета потерь и регистрации павших солдат, сооружения могил, оповещения семей погибших. Столь же рано военные органы Третьего рейха занялись разработкой проектов кладбищ и мемориалов: регламенты по оформлению т.н. «воинских кладбищ» распространялись во всех воюющих соединениях в различных частях Европы и Северной Африки [6]. После длительных сражений армии и дивизии хоронили своих погибших в больших сборных захоронениях, при этом не предусматривалось дозахоранивать павших на кладбищах Первой мировой войны, ибо эти «возведенные немецким народом священные места [...] должны с честью сохраняться» [30]. Инструкции и приказы детальнейшим образом регулировали оформление новых захоронений: от знаков на могилах до оформ-

ления растительного покрова в различные времена года [29]. Право окончательного инспектирования крупных солдатских кладбищ, которые по примеру Первой мировой войны именовались «захоронениями героев» и «почетными мемориалами», принадлежало лично Гитлеру. Павшие должны были «[...] покоиться вместе там, где они отдали свою жизнь за величие, честь и свободу Германии» [26].

Военные вкладывали значительные средства в планирование и строительство, отряжали на эти цели солдат, чтобы превратить эти места в почетные мемориалы. Верховное командование вермахта настаивало на простом оформлении мест захоронения, которые использовались для маршей и памятных празднеств в дни народной скорби или во время церковных дней поминовения усопших в ноябре [19]. Во время войны соединения вермахта возлагали венки и вывешивали военный флаг рейха на всех мемориалах на оккупированных территориях, а также на линии фронта [7].

Захоронения вермахта представляли собой особое военное пространство; в случае частичного размещения на гражданских кладбищах, могилы отгораживались стеной или забором от других частей данной территории [28, S. 248]. Запрещались изменения или чуждые украшения, нарушавшие предписанное оформление кладбищ, а также индивидуальные знаки отличия (вплоть до венков) [35]. Разрушение или осквернение этих мест каралось смертной казнью [25].

Примечательно, что не предполагалось различий в рангах: согласно букве указаний, погибшие должны были покоиться рядом с теми, с кем они бок о бок сражались [34]. Однако существовали и исключения из представлений о сословном равенстве, товариществе в духе лозунга «Во смерти все равны»: генералам и высшему офицерству, умершим на территории империи, предписывалось особое государственное захоронение, например, в случае Эдуарда Дитля (1892—1944), Рудольфа Шмундта (1896—1944), Эрвина Роммеля (1891—1944) [2].

Павшие продолжали принадлежать вермахту и после смерти. Данное представление, а также логистические трудности стали причиной запрета вермахтом транспортировки тел во время войны на родину. Кроме того, в письмах и сообщениях с фронта часто высказывалось желание после «бытия в качестве солдата» остаться таковым и после смерти [21]. Подобную позицию можно объяснить существованием на фронте своеобразного «судьбоносного товарищества»: смертельная опасность и совместные переживания сплачивали солдат и заставляли воспринимать свое военное окружение как «суррогат семьи» [21, S. 23]. Предписания вермахта предусматривали сохранение на кладбищах единства и военного порядка по образцу парадов и маршей. Вермахт лишал солдат индивидуальности, подчиняя их идее служения и смерти ради военных целей [9]. Исключения из этого сообщества составляли самоубийцы и казненные, которых хоронили отдельно от остальных по краям подобных кладбищ [11].

Немецкие солдатские кладбища в ФРГ — воззвание к миру

Наряду с работами по восстановлению разрушенных городов и сел в Германии после окончания Второй мировой войны начался поиск пропавших без вести и погибших членов семей. Если в других странах, затронутых войной, был достаточно быстро найден смысл участия граждан в мировом конфликте, например, в представлении об освобождении Европы от национал-социализма или в защите своего отечества, то в Германии формирование подобных толкований представляло огромную трудность. Придание публичности информации о немецких преступлениях в концентрационных лагерях, обвинения в развязывании войны и судебные процессы союзников в Нюрнберге препятствовали складыванию позитивного или почетного смысла участия немецких солдат в войне или их гибели. Героическая риторика времен Третьего рейха утратила свою привлекательность и востребованность.

Но как придать смысл гибели отца или брата? Вследствие того, что до 1949 г. в Германии не существовало собственного правительства, способного транслировать единые национальные пароли, семьи были оставлены один на один со своими поисками и своим трауром [31, S. 41]. Память о павших была вытеснена из пространства публичного инсценирования в сферу частной памяти. Здесь же они оплакивались без поиска смысла их смерти, тем более без обвинения в их адрес [31, S. 60]. Отсюда страдания солдата на фронте и в военном плену, а не национал-социалистические преступления заняли центральное место в сообщениях и воспоминаниях [15]. Немцы сравнивали военное варварство вермахта в Восточной Европе со страданиями его же солдат на фронте, во время бомбежек, бегства и депортаций [15]. Раздавались даже голоса, приравнивавшие Холокост к гибели миллионов немцев (включая солдат) [15, S. 54]. Жители послевоенной Германии переложили измерение частной драмы (смерть отца, потерю дома в ходе воздушных налетов или бегства, голод, неясное будущее) на параметры универсальной или национальной трагедии [15, S. 4].

Ядро коллективной памяти после войны образовывали именно павшие солдаты. Самая многочисленная группа лиц, нашедших свою смерть на войне, служила в вермахте: около 5 млн немецких солдат погибли или считались пропавшими без вести, в то время как среди гражданских лиц эта цифра достигла «лишь» 400 000 [15, S. 5]. Вина за развязывание войны была частично признана, при этом она была возложена на Гитлера и его окружение, а также на СС и СД. В отличие от них вермахт длительное время считался «чистым», не обремененным грузом преступлений национал-социализма [15, S. 35]. С солдатских кладбищ исчезла нацистская символика: свастика и военный флаг рейха. Общее обустройство и архитектура этих мест отныне были ориентированы на выражение образа коллективной жертвы.

Траур и, возможно, шок по поводу смерти такого количества «маленьких людей» способствовали тому, что их могилы превратились в символ, в своеобразное напоминание потомкам об ужасах

войны, в призыв к миру и пониманию во имя будущего и последующих поколений. Гибель на войне постфактум приобрела особый смысл: смерть солдат была ужасной, их больше нет с нами, но их могилы вызывают к нам. Представлялось, что смерть миллионов была своеобразной оплатой за поворот в международной политике и мышлении народов, за мирное сосуществование.

В первые десятилетия после войны солдатские могилы еще оставались местами траура. Родители, дети и супруги разыскивали захоронения павших для выражения личного горя и прощания после стольких лет неизвестности. Правовая основа ухода и содержания подобных захоронений была заложена в т. н. Законе о могилах 1952 г. [14], предусматривавшем их сохранение в будущем. Когда же близкие родственники погибших ушли из жизни, встал вопрос, что делать с могилами солдат? Кладбища были перепрофилированы в места памяти с целью сохранения воспоминаний о войне, трансляции воззвания к миру и демократии. Они прошли путь от приватного траура об отце и брате к коллективной памяти о войне и насилии.

В рамках этого предупредительного послания солдатские могилы были использованы в целях обучения, просвещения и воспитания. Народный союз немецких организаций по уходу за военными захоронениями (как и другие национальные и международные организации) проводит встречи молодежи разных стран на территориях военных захоронений по всей Европе [10]. Кладбища становятся важным местом обучения для того поколения, которое, к счастью, не имеет военного опыта. Добровольно осуществляя уход за могилами, молодые люди получают возможность принять и закрепить в своем сознании ценности мира — эффекта подобной силы не достигают другие виды обучения. Каждый могильный камень и каждое имя кроют в себе судьбу человека, они открывают путь к переживанию прошлого через жизненный путь конкретных людей.

Поля бывших сражений, на которых частично и располагаются кладбища, также следует рассматривать как места памяти. На наш взгляд, в России в качестве площадки обучения молодежи и школьников двух стран, а также своеобразного музея под открытым небом может быть использован Волгоград.

Немецкие кладбища за границей

Немецкая традиция памяти о павших солдатах Второй мировой войны существенно отличается от других наций. Военные захоронения итальянских, советских и британских солдат почитаются иным способом, ибо в своих странах участники этой войны считаются героями, освободителями и победителями. Германия же до сих пор несет ответственность за развязывание войны и, несмотря на это, пытается сохранить воспоминания об этом страшном событии — в форме мемориалов, музеев, в форме военных захоронений на своей территории и за границей. В мемориальной традиции о павших на войне следует найти сложный баланс и вспоминать всех павших в равной степени: и жертв, и преступников. Но как можно помнить солдат и

сохранять место их последнего пристанища, если они сражались в войне за преступные расистские цели? На этот вопрос вряд ли можно ответить, поэтому в данном разделе он останется в статусе риторического.

За границей немецкие военные кладбища нередко вызывают чувство отторжения и протесты. В вопросах сохранения и ухода за ними возникают проблемы, в том числе с местным населением. Согласно соответствующим межгосударственным соглашениям с Германией, страны, затронутые Второй мировой войной, обязаны обеспечить сохранность мест последнего приюта павших немецких солдат. Но именно в этом коренится конфликт: зачинщики Второй мировой войны получают длительный приют в стране, против которой они воевали, которую они разрушали, население которой они убивали. Один из наиболее известных примеров подобного конфликта — немецкое военное захоронение Костермано, расположенное близ озера Гарда в Италии. На этом кладбище захоронено почти 22 тыс. павших [23], среди них солдаты, представители СС, имперской службы труда и других соединений вермахта, нашедших свою смерть в Италии. В конце 1980-х гг. комиссия итальянских историков выявила имена членов СС, участвовавших в военных преступлениях. Среди них — имя Кристиана Вирта, коменданта лагеря смерти Белжец, ответственного за гибель тысяч людей. Согласно исследованиям итальянских экспертов, Кристиан Вирт и другие преступники из числа СС были захоронены на кладбище Костермано. Местное население вместе с жителями других итальянских регионов подали жалобу и устроили демонстрацию против этих военных преступников, нашедших на итальянской земле вечный покой. Дискуссия об обращении с останками военных преступников вышла на самый высокий правительственный уровень. Фольксбунду и Германии были выдвинуты требования вывезти останки Вирта и других известных военных преступников с кладбища Костермано и с территории Италии. Однако оставался вопрос, где в таком случае захоранивать эти останки: в Германии на каком-нибудь кладбище или вообще их уничтожить? Разве не каждый умерший, без различия преступник или жертва, заслуживает права на вечный покой? На эти вопросы предстояло найти ответ немецким и итальянским чиновникам. Кроме того, как можно исключить, что и другие преступники, убийцы и насильники не захоронены на этом кладбище? Должны ли в таком случае все захоронения немецких солдат (а также их союзников) быть уничтожены на основании факта, что они воевали за преступную систему? В итоге, имена известных преступников, включая Кристиана Вирта, были удалены с бронзовых мемориальных досок, установленных при входе на кладбище. Но их захоронения остались в Костермано. Немецкая и итальянская стороны согласовали текст, размещенный при входе на захоронение, который четко информирует посетителей об именах преступников, а также не исключает возможность, что и другие военные преступники захоронены здесь [12]. Данное решение удовлетворило обе стороны. Однако конфликт в Костермано — не единственный подобного

рода. В других странах также разворачиваются дискуссии, нередко заканчивающиеся разрушениями могил, что, к сожалению, затрудняет примирение бывших военных противников. В этих случаях всегда следует находить средний путь между признанием Германией своей ответственности и сохранением памяти о людях, отдавших свою жизнь на войне, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Резюме

Солдатские могилы в период Третьего рейха воспевались как святыни и почитались как памятники *жертвам*, борьбе, мужеству и верности немецких солдат. В традициях национал-социалистического культа мертвых вермахт настаивал на создании масштабных кладбищ как последнего почетного пристанища своих солдат, умерших за *фюрера*, *народ* и *отечество*. Если в условиях диктатуры смерть солдат и их могилы осмыслились в категориях «*во имя чего-то*», то после капитуляции поиск смыслов осуществлялся из другой перспективы. После обвинения в развязывании Второй мировой войны и под надзором союзников почитание героев стало невозможным, проигранная война не могла более снабжать население позитивными смыслами: погибшие не могли быть уже ни победителями, ни героями — они превратились в жертв бессмысленной войны. Места немецкого героизма или могилы героев, знаки победы — все эти символы утратили ценность, поэтому и сами понятия были заменены дефинициями «места траура» и «воззвания к миру». Новое осмысление смерти солдата отражается в созданных в тот период памятниках: вместо национал-социалистических мемориалов воинской чести были воздвигнуты мемориалы-воззвания к миру [17], напрасные жертвы компенсировались призывами к миру и волей к примирению народов [15, С. 118]. Столь явная зависимость трактовки солдатской смерти и военных захоронений от господствующих дискурсов оставляет открытым важный исследовательский вопрос: какой смысл эти места памяти приобретут в последующие десять или сто лет?

Литература и источники

1. *Abkommen über die Behandlung von Kriegsgefangenen*, 27.7.1929 // *RGBl. II*, 1934.
2. Ackermann, V. *Nationale Totenfeiern in Deutschland. Von Wilhelm I. bis Franz Josef Strauß. Eine Studie zur politischen Semiotik*, Stuttgart 1990.
3. Assmann, A. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, München, 2006.
4. Assmann, A. *Erinnerungsorte und Gedächtnislandschaft*, in: Hanno Loewy/Bernhard Moltmann (Hrsg.), *Erlebnis-Gedächtnis-Sinn. Authentische und konstruierte Erinnerung*, Frankfurt/Main 1996.
5. Assmann, A. *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*, München 1999.
6. *Ausführungsbestimmungen zum Erlass des Führers über die Gestaltung deutscher Kriegerfriedhöfe*, *Kommentierte Fassung*, 18.9.1942, in: *BArch, RW 6/182*, fol. 73.
7. *Bekanntgabe Heldengedenktage* in „*Kölnische Zeitung*“, 12.3.1942, in: *BArch NS 5-VI/1306*, fol. 15.
8. Böttcher, J. *Heldenkult, Opfermythos und Aussöhnung — Zum Bedeutungswandel deutscher Kriegsgräber nach dem Zweiten Weltkrieg*, in: *Deutschland Archiv Online*, 07.02.2014, URL: <http://www.bpb.de/178572>
9. Bröckling, U. *Disziplin. Soziologie und Geschichte militärischer Gehorsamsproduktion*, München, 1997.
10. *Dienstsanweisung Wehrmacht-Gräberoffiziere, 1944*, in: *BArch RDW 12/37*.
11. *Endlich Frieden in Costermano*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, Nr. 106, S. 40, 8. Mai 2007.
12. Eschbach, I. *Öffentliches Gedenken. Deutsche Erinnerungskulturen seit der Weimarer Republik*, Frankfurt/Main, 2005.
13. *Gesetz über die Erhaltung der Gräber der Opfer von Krieg und Gewaltherrschaft*“, 27. Mai 1952, *BGBl. I*, 320. *Neue Fassung vom 1. Juli 1965*, *BGBl. I*, 589.
14. Margalit, G. *Guilt, Suffering, and Memory. Germany Remembers its Dead of World War II*, Bloomington, 2010.
15. *Haager Landkriegsordnung, Gesetze und Gebräuche des Landkrieges*, 18.10.190, in: *RGBl. 1910*, 107.
16. Herzog, M. *Totengedenken und Trauerkultur. Geschichte und Zukunft des Umgangs mit Verstorbenen*, Stuttgart 2001.
17. Hettling, M. *Nationale Weichenstellungen und Individualisierung der Erinnerung. Politischer Totenkult im Vergleich*, in: ders. (Hrsg.), *Gefallenengedenken im globalen Vergleich. Nationale Tradition, politische Legitimation und Individualisierung der Erinnerung*, München, 2013.
18. Kaiser, A. *Von Opfern und Helden. Eine Geschichte des Volkstrauertages*, Frankfurt/Main 2010.
19. Koselleck, R. *Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden*, in: Otto Marquard/Karlheinz Stierle (Hrsg.), *Identität, Politik und Hermeneutik. Arbeitsergebnisse einer Forschungsgruppe VIII*, München 1979.
20. Kühne, T. *Kameradschaft. Die Soldaten des nationalsozialistischen Krieges und das 20. Jahrhundert*, Göttingen, 2006.
21. Latzel, K. *Deutsche Soldaten — nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis — Kriegserfahrung 1939-1945*, Paderborn, 1998.
22. *Listenansicht der Kriegsgräberstätten* URL: <http://www.volksbund.de/kriegsgraeberstaette/costermano.html>
23. Lurz, M. *Kriegerdenkmäler in Deutschland*, Bd. 3: *Erster Weltkrieg*, Heidelberg, 1985.
24. *Merkblatt für die Erfassung, Sicherstellung und Betreuung der Soldatengräber (Abschrift)*, o. Dat., in: *BArch RW 6/522*.
25. *Merkblatt WWV, 1.10.1941*, in: *BArch RW 6/182*, fol. 8.
26. Mosse, G. *Gefallen für das Vaterland. Nationales Heldentum und namenloses Sterben*, Stuttgart 1993.
27. Mosse, G. *Soldatenfriedhöfe und nationale Wiedergeburt. Der Gefallenenkult in Deutschland*, in: Klaus Vondung (Hrsg.), *Kriegserlebnis. Der Erste Weltkrieg in der literarischen Gestaltung und symbolischen Deutung der Nationen*, Göttingen 1980.
28. *Richtlinien für Sammelanlagen*, Neufassung April 1944, in: *BArch RW 6/182*.
29. *Richtlinien Nr. 31 von WWV, 27.09.1944*, in: *BArch RW 6/519*, fol. 81.
30. Behrenbeck, S. *Between pain and silence. Remembering the victims of violence in Germany after 1949*, in: Richard Bessel/Dirk Schuman, *Life after Death. Approaches to a Cultural and Social History of Europe during the 1940s and 1950s*, Washington/D.C. 2003.
31. Toppe A., *Militär und Kriegsvölkerrecht. Rechtsnorm, Fachdiskurs und Kriegspraxis in Deutschland 1899-1940*, München 2008.
32. *WWV an WGO zu Ausführungsbestimmungen zum Führer-Erlass*, 18.9.1942, in: *BArch RW 6/182*.
33. *WWV an Wehrkreiscommandos*, 12.2.1943, in: *BArch RW 6/518*, fol. 93.

34. Zentralinstitut für Sepulkralkultur Kassel (Hrsg.), *Großes Lexikon der Bestattungs- und Friedhofskultur. Wörterbuch zur Sepulkralkultur. Volkswundlich-kulturgeschichtlicher*,

Teil: *Abdankung bis Zweitbestattung*, bearbeitet von Reiner Sörries, Braunschweig 2002.

Поступила в редакцию 01 марта 2017 г.

Янц Нина, аспирант Института культурной антропологии, Гамбургский университет (Габмург, Федеративная Республика Германия). E-mail: nina.janz@gmx.de

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 2, pp. 58—64*

DOI: 10.14529/ssh170208

GERMAN MILITARY CEMENTRIES IN EUROPE AS MEMORY PLACES IN THE DEMOCRACY AND DICTATORSHIP

N. Janz, Hamburg University, Germany, nina.janz@gmx.de

The graves and cemeteries of the German fallen soldiers symbolize different meanings and messages during the time. In the Second World War, the Wehrmacht and the national socialists constructed the soldier cemeteries as *holy* places and places of German *heroism*. After the surrender the graves turned into symbols of a reminder of pain, suffer and war. Today the grave stones are used for educational projects, memory services, guided tours for students and young people all over Europe.

Keywords: Cemetery, Soldier, Second World War, Wehrmacht, Memory, Place of Remembrance, Graves, Germany, National Socialism, Federal Republic of Germany

References

1. *Abkommen über die Behandlung von Kriegsgefangenen*, 27.7.1929, in: RGBl. II, 1934.
2. Ackermann, V. *Nationale Totenfeiern in Deutschland. Von Wilhelm I. bis Franz Josef Strauß. Eine Studie zur politischen Semiotik*, Stuttgart 1990.
3. Assmann, A. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, München, 2006.
4. Assmann, A. *Erinnerungsorte und Gedächtnislandschaft*, in: Hanno Loewy/Bernhard Moltmann (Hrsg.), *Erlebnis-Gedächtnis-Sinn. Authentische und konstruierte Erinnerung*, Frankfurt/Main 1996.
5. Assmann, A. *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*, München 1999.
6. *Ausführungsbestimmungen zum Erlass des Führers über die Gestaltung deutscher Kriegerfriedhöfe, Kommentierte Fassung*, 18.9.1942, in: BArch, RW 6/182, fol. 73.
7. *Bekanntgabe Heldengedenktage in „Kölnische Zeitung“*, 12.3.1942, in: BArch NS 5-VI/1306, fol. 15.
8. Böttcher, J. *Heldenkult, Opfermythos und Aussöhnung — Zum Bedeutungswandel deutscher Kriegsgräber nach dem Zweiten Weltkrieg*, in: Deutschland Archiv Online, 07.02.2014, URL: <http://www.bpb.de/178572>
9. Bröckling, U. *Disziplin. Soziologie und Geschichte militärischer Gehorsamproduktion*, München, 1997.
10. *Dienstanweisung Wehrmacht-Gräberoffiziere*, 1944, in: BArch RDW 12/37.
11. *Endlich Frieden in Costermano*, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, Nr. 106, S. 40, 8. Mai 2007.
12. Eschbach, I. *Öffentliches Gedenken. Deutsche Erinnerungskulturen seit der Weimarer Republik*, Frankfurt/Main, 2005.
13. *Gesetz über die Erhaltung der Gräber der Opfer von Krieg und Gewaltherrschaft*, 27. Mai 1952, BGBl. I, 320. Neue Fassung vom 1. Juli 1965, BGBl. I, 589.
14. Margalit, G. *Guilt, Suffering, and Memory. Germany Remembers its Dead of World War II*, Bloomington, 2010.
15. *Haager Landkriegsordnung, Gesetze und Gebräuche des Landkrieges*, 18.10.190, in: RGBl. 1910, 107.
16. Herzog, M. *Totengedenken und Trauerkultur, Geschichte und Zukunft des Umgangs mit Verstorbenen*, Stuttgart 2001.
17. Hettling, M. *Nationale Weichenstellungen und Individualisierung der Erinnerung. Politischer Totenkult im Vergleich*, in: ders. (Hrsg.), *Gefallenengedenken im globalen Vergleich. Nationale Tradition, politische Legitimation und Individualisierung der Erinnerung*, München, 2013.
18. Kaiser, A. *Von Opfern und Helden. Eine Geschichte des Volkstrauertages*, Frankfurt/Main 2010.
19. Koselleck, R. *Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden*, in: Otto Marquard/Karlheinz Stierle (Hrsg.), *Identität, Politik und Hermeneutik. Arbeitsergebnisse einer Forschungsgruppe VIII*, München 1979.
20. Kühne, T. *Kameradschaft. Die Soldaten des nationalsozialistischen Krieges und das 20. Jahrhundert*, Göttingen, 2006.
21. Latzel, K. *Deutsche Soldaten — nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis — Kriegserfahrung 1939-1945*, Paderborn, 1998.
22. *Listenansicht der Kriegsgräberstätten* URL: <http://www.volksbund.de/kriegsgraeberstaette/costermano.html>
23. Lurz, M. *Kriegerdenkmäler in Deutschland*, Bd. 3: Erster Weltkrieg, Heidelberg, 1985.
24. *Merkblatt für die Erfassung, Sicherstellung und Betreuung der Soldatengräber* (Abschrift), o. Dat., in: BArch RW 6/522.
25. *Merkblatt WWI*, 1.10.1941, in: BArch RW 6/182, fol. 8.
26. Mosse, G. *Gefallen für das Vaterland. Nationales Heldentum und namenloses Sterben*, Stuttgart 1993.

Исторические науки

27. Mosse, G. *Soldatenfriedhöfe und nationale Wiedergeburt. Der Gefallenekult in Deutschland*, in: Klaus Vondung (Hrsg.), *Kriegserlebnis. Der Erste Weltkrieg in der literarischen Gestaltung und symbolischen Deutung der Nationen*, Göttingen 1980.
28. *Richtlinien für Sammelanlagen*, Neufassung April 1944, in: BArch RW 6/182.
29. *Richtlinien Nr. 31 von WVW*, 27.09.1944, in: BArch RW 6/519, fol. 81.
30. Behrenbeck, S. *Between pain and silence. Remembering the victims of violence in Germany after 1949*, in: Richard Bessel/Dirk Schuman, *Life after Death. Approaches to a Cultural and Social History of Europe during the 1940s and 1950s*, Washington/D.C. 2003.
31. Toppe A., *Militär und Kriegsvölkerrecht. Rechtsnorm, Fachdiskurs und Kriegspraxis in Deutschland 1899-1940*, München 2008.
32. *WVW an WGO zu Ausführungsbestimmungen zum Führer-Erlass*, 18.9.1942, in: BArch RW 6/182.
33. *WVW an Wehrkreiskommandos*, 12.2.1943, in: BArch RW 6/518, fol. 93.
34. Zentralinstitut für Sepulkralkultur Kassel (Hrsg.), *Großes Lexikon der Bestattungs- und Friedhofskultur. Wörterbuch zur Sepulkralkultur. Volkskundlich-kulturgeschichtlicher*, Teil: Abdankung bis Zweitbestattung, bearbeitet von Reiner Sörries, Braunschweig 2002.

Received March 01, 2017